

Джейн Крокер врывается в свой офис с грациозностью, соответствующей её положению, и захлопывает за собой дверь. Лучи солнца прорываются в комнату через жалюзи, оставляя масляно-жёлтые полосы света по всей протяжённости её безупречно обставленного кабинета. Сегодня чудесный день, такой же, как и многие дни на этой планете, ничем не примечательный, за исключением тех ужасных новостей, что Джейн только что получила на своей обыкновенной утренней пресс-конференции.

Джейн нервно останавливается напротив одного из своих окон высотой от пола до потолка — оно охватывает целых две трети её офиса — и разглаживает складки на бледно-синей юбке, проводя руками по бедрам. Она фыркает, надувает щёки и делает очень глубокий вдох, после чего хватает подушку с ближайшего дивана, чтобы прокричаться.

Существует бессчётное множество способов узнать о том, что твой знакомый баллотируется в президенты, чтобы не дать тебе победить на выборах, но Джейн предпочла бы услышать об этом не от репортёра-панцирника в присутствии двадцати шести других представителей межвидовой прессы. Она уверена, что не изменила своей позы и смогла не выдать своего шока. Она не вскричала “Что?!”, но ухитрилась сквозь стиснутые зубы и поджатые губы выдать довольно глубокомысленно звучащее “Хмммммм!”

Она не может поверить, что Каркат оказался способен на такое по отношению к ней. Это больше не политическое соглашение, которым определённы были бы выборы, если бы против неё не выступали другие создатели цивилизации, а скорее битва между “друзьями”. Вантас вообще понимает, что творит?

Нет-нет, осознаёт Джейн, это не Вантас. Это просто не могло быть идеей Карката. Джейн знает Карката. Не очень близко, она даже с трудом может назвать его своим приятелем, однако достаточно хорошо, чтобы обобщённо оценить его характер. Он не подходит для политики по интеллектуальным параметрам, он не особо силен по части социальной конституции. И тем более по вопросам экономики. На самом деле Джейн уверена, что Каркат Вантас буквально сгорел бы от стыда, как вышедший на солнце вампир, если бы на него одновременно посмотрело бы слишком много народу.

Стоп. Джейн убирает подушку от лица и смотрит в потолок из стекла, выполненный в стиле ар-деко. Были ли её мысли о вампирах ксенофобными по

отношению к Канайе? Ну или как там называется то, кем она является? Нет, конечно же нет, убеждает себя она. У троллей все строго наоборот: вампиры — единственные представители их вида, которые нормально переносят солнечный свет. Ещё одна причина, по которой из Карката выйдет плохой президент, да. Ну... Если только он не станет Ночным Президентом. Нет, дурацкая мысль. Лучше не подкидывать ему никаких идей. Президент должен быть только ОДИН.

Нет, разумеется, в этом виноват Дейв. Эта мысль родилась в их маленьком гнёздышке взаимно поддерживающей, созависимой, межвидовой... непонятной фигни, которая между ними творится. Дейв определённо не Дирк Страйдер, не Роуз Лалонд и даже не Рокси, но у него тоже есть этот ген коварства, пусть и погребённый под прозрачными слоями позёрства и, откровенно говоря, довольно устаревшего юмора. У него есть чутьё планировщика. И пускай он, безусловно, самый глупый из впечатляющего эктобиологического выводка...

О, боже. Выводок. Это ведь наверняка некорректное слово, так? Джейн задумывается. Она вычёркивает его из своего мысленного списка "слов, которые можно говорить на пресс-конференции".

Она возвращается к своим размышлениям. Может, Дейв и наименее умственно одарённый член своей семьи, но у него всегда было очень много соображений касательно экономики. На самом деле, Джейн не помнит, чтобы она хоть раз говорила с ним о чём-то, кроме экономики. Ей приходит на ум случай, когда на празднике по случаю восемнадцатилетия Джона Дейв втянул её в жестокие и в изрядной степени односторонние дебаты о дерегулировании и безнадёжности “неолиберальных мер жестокой экономии”, длившиеся до тех пор, пока не пришёл Каркат и не закрыл своему сожителю рот руками, чтобы тот наконец замолчал. Кстати, если подумать о нескольких случаях её прямого контакта с Каркатом, конкретно этот поступок показался ей весьма доброжелательным, даже направленным на общее благо. Может... из него *мог бы* получиться хороший президент?

НЕТ! Она не должна поддаваться таким мыслям, она не слабачка. И она не поддастся.

Джейн бросает подушку обратно на диван и начинает расхаживать по своему офису. Это ведь настоящая катастрофа. Она знала, что демографические показатели играют на её стороне — человеческие, если говорить точнее, а ещё зажиточных районов, населённых панцирниками. Однако Каркат был популярен в Королевстве Троллей, а панцирники, как известно, хорошо поддаются даже самому низкопробному популизму. А спутники? Кто вообще давал им право голосовать? В любой другой год...

Джейн запрыгивает на стол и снимает обе туфли. Она поднимает ручку и начинает пожевывать её конец, чтобы перестать делать то же самое со своей нижней губой. В любой другой год она бы так не волновалась. Она была бы только рада принять милостивое временное поражение и дать Каркату поиграть в президентство пару лет. В конце концов, в отличие от неё он не бессмертен. Но идиллическая, только зародившаяся история Земли С сейчас невероятно близка к переломному моменту — первому, на самом деле, своему переломному моменту, связанному с проблемами троллего размножения. Первое поколение троллей, появившееся на свет естественным образом, конечно же, не может быть доверено троллю.

И подобные мысли — совершенно точно не ксенофобия. Это лишь объективная реальность. Жители Земли С могут спать спокойно, зная, что правительство держит под чутким контролем... ну, вопросы справедливости. Никто не доверил бы что-то настолько важное троллю, если учитывать историю их жестокой империи.

Поражение на этих выборах может привести к общественным беспорядкам, протестам, даже войне.

Джейн с силой сжимает веки и проводит пальцами по мелкозернистой поверхности своего стола, отделанного красным деревом. Она едва удерживается от тех мыслей, которые обещала гнать из своей головы. Если честно, ей очень хочется сказать вслух эту омерзительную девчачью глупость, на которой она когда-то была помешана и которая делала её ужасно слабой. Эта постыдная мысль проявляется в виде обречённого вздоха.

ДЖЕЙН: Мне нужен Джейк.

Она оборачивается и, всё ещё сидя на столе, нажимает на знакомую запись в списке контактов на своем телефоне.

ДЖЕЙК: Алё-малё!

Джейн тяжело вздыхает, едва удерживаясь от стона. Почему столь многие из лучших молодых умов Земли С оказываются рабами дерзких ягодиц этого глупого человека?

ДЖЕЙН: Джейк! Привет, как поживаешь?

ДЖЕЙК: Я полагаю, так хорошо как только можно после пробуждения среди бесноватого переполоха на стадионе. В меня зарядили лошадиным транквилизатором. Старый добрый трюк.

ДЖЕЙН: Который, полагаю, я должен был предусмотреть, потому как в подобной манере дирк заканчивал каждый наш поединок всю прошлую неделю.

ДЖЕЙН: Ох, боже. Звучит совершенно ужасно, Джейк. Я могу сделать для тебя что-нибудь, как-то помочь?

ДЖЕЙК: Помочь? Черт побери женщина! Едва ли я вообще нуждаюсь в помощи.

ДЖЕЙК: Это довольно классное приключение – работать с кем-то таким предсказуемо непредсказуемым, как наш дорогой дружище дирк!

Можно подумать, что Джейк наслаждается садомазохистской природой их с Дирком личных и профессиональных отношений. Если судить по их последнему разговору о выборах, Дирк прекрасно осведомлен об этой черте Джейка. Нельзя быть слишком хорошим, если хочешь заручиться его поддержкой, сказал бы Дирк. Он не реагирует на хорошее обращение.

ДЖЕЙН: Как бы то ни было, Джейк, я все еще ужасно сильно переживаю за тебя.

ДЖЕЙК: Ну это...

На конце провода раздается грохот, сопровождаемый шумом, подозрительно похожим на удар чего-то большого, полого и металлического о голову Джейка. Когда Джейк возвращается к телефону, он кричит в трубку. Джейн морщится.

ДЖЕЙК: ...очень мило с твоей стороны джейн! Я невероятно ценю то, что ты ни с того ни с сего позвонила мне, чтобы сказать столь приятные вещи, не имея тайных мотивов!

Из уст кого угодно другого эти слова прозвучали бы зловеще. Но, как всем прекрасно известно, Джейк не способен на сарказм.

ДЖЕЙН: Ну, ты ведь знаешь, что я—

ДЖЕЙК: Потому что я должен отметить, что хоть я и пытаюсь без страха смотреть в лицо всем невзгодам, с которыми сталкиваюсь, я не могу сказать что, в восторге от того, как много моей недавней корреспонденции было связано с рекламой моего имиджа.

ДЖЕЙК: Мне уже стало казаться будто люди хотят только всунуть мою задницу на дорожный знак ради прибыли.

ДЖЕЙН: Ох, Джейк.

ДЖЕЙН: Ты прав. Должно быть, это очень сложно. Для тебя даже сложнее, чем для кого-либо из нас из-за твоих, как бы сказать...

ДЖЕЙН: Врожденных способностей?

ДЖЕЙК: А?

ДЖЕЙН: Но ты ведь знаешь, что я всегда хотела для тебя всего самого лучшего, верно?

ДЖЕЙН: И я готова дать это тебе.

ДЖЕЙК: Дать мне что?

ДЖЕЙН: Лучшее, Джейк. Самое лучшее.

Джейк затихает на момент, и Джейн практически может слышать, как в его голове вращаются ржавые шестеренки.

ДЖЕЙН: Этим вечером тебе следует заглянуть ко мне, чтобы увидеться!

ДЖЕЙК: Ты имеешь в виду мой вечер или твой? Сейчас мы находимся в разных часовых поясах, и я смею сказать, что солнце здесь только что зашло, поэтому если ты хотела провести званый ужин по моему времени, то уже упустила свой шанс.

Джейн чувствует, как ее улыбка растягивается так сильно, что щеки начинают болеть. О да, она любила этого человека практически во всех возможных смыслах этого слова, но иногда разговор с ним похож на попытку построить картонный домик во время поездки на механическом быке.

ДЖЕЙН: Мой, конечно! У меня есть твой любимый крокодиловый скотч лучшего года выдержки прямиком из Королевства Спутников. У нас наконец появится шанс наверстать упущенное.

Джейк на самом деле ненавидит скотч и пьет его только для вида. Но для этого - для невероятно решающего момента в истории планеты, которую они создали своими собственными руками - Джейн готова потратить пару тысяч дарбаксов. Она готова смотреть на то, как её старый друг притворяется, будто делает глоток из одного и того же стакана, в течение нескольких часов во время беспечной беседы.

Она готова и на большее.

ДЖЕЙН: Когда мы в последний раз встречались наедине?

ДЖЕЙК: А знаешь что? Ты очень даже права. Прошла уйма времени с тех пор как мы встречались без дирка.

ДЖЕЙК: Непростительно много! Ставь самовар, гость скоро будет!

ДЖЕЙН: ... самовар?

Она думает, нужно ли уточнять, буквальной ли была его просьба. Но Джейк, конечно, уже повесил трубку.

С тяжелым и в какой-то степени сожалеющим вздохом Джейн кладет телефон на стол. Ну, думает она, дело в шляпе. Время творить магию, Крокер.

> == >